

домъ отравила княжну болгарскую къ Борису; и онъ одинаково исполнилъ свое обѣщаніе, далъ волю Θεодору.

Пріѣхала княжна болгарская на родину; братъ встрѣтилъ ее ласково, всѣмъ приказалъ ее почитать, и самъ для нея старался, чтобъ ей было хорошо; только она все скучала. Прожила она въ Царьградѣ тридцать восемь лѣтъ: благочестивая царица Θεодора ее при себѣ держала какъ родную; и навывкла княжна болгарская христіанскому благочестію; грамоту греческую тоже знала, книги читала; тихая была, кроткая, точно монахиня. И вдругъ попала въ такую дикую сторону: церквей нѣтъ, службы Божіей слышать не приходится, и Таинъ Святыхъ причаститься нельзя; вездѣ въ городѣ разставлены идолы, объ истинномъ Богѣ и поговорить не съ кѣмъ; кто вѣруетъ, скрывается отъ всѣхъ, не то невѣрные узнаютъ и убьютъ. Хуже всего было то для княжны, что братъ ея, князь Борисъ, также былъ невѣрный. Хотя она и видѣла, что онъ живетъ по правдѣ и къ народу милостивъ, а все ей думалось, что не спасется онъ, потому что некрещеный. Стала она одинокая молить Бога, чтобъ ниспослалъ Онъ просвѣтленіе въ разумъ князю и всѣмъ людямъ болгарскимъ. Часто Борисъ, когда приходилъ къ сестрѣ, заставлялъ ее на молитвѣ, и тогда она ему начинала говорить о томъ же, о чемъ ему прежде толковалъ инокъ Θεодоръ, о христіанскомъ Богѣ—Спасителѣ.

Правились князю эти рѣчи, видѣлъ онъ своей сестры смиреніе и кротость и думалъ иногда: «хорошъ обычай христіанскій!» Разъ промолвила княжна: «Пора тебѣ, братъ, окреститься и народъ привести ко Христу.» Князь на нее за это прогнѣвался, — говорить ей: «Я не оставлю вѣры отеческой; мы съ этою вѣрою завоевали себѣ здѣшнюю землю и сдѣлались сильны; если мы измѣнимъ нашимъ богамъ, то и они отъ насъ отступятъ, и мы потеряемъ всю нашу силу». Княжна ничего не сказала больше.

Мало времени скороталось, и дошла къ Борису вѣсть, что иноземный князь идетъ на него войною. Не успѣлъ Борисъ войска собрать, какъ уже враги напали: города и села пожгли, сады порубили, хлѣбъ на корню притоптали конями. Насталъ голодъ въ землѣ болгарской, и отъ голоду пошелъ моръ на людей. Столько умирало народу, что Болгаре думали—всѣмъ придется погибнуть; и страхъ былъ на всѣхъ. Кланялись Болгаре своимъ идоламъ, жертву за жертвой приносили, а моръ не прекращался.

И снова сказала Борису сестра: «Гдѣ же ваши боги? это нашъ христіанскій Богъ посылаетъ тебѣ знаменіе; неужели ты еще не вѣруешь?» И не разгнѣвался за эти слова князь, но раздумалъ самъ съ собою: «можетъ быть и правду сестра говорить.»